

— Вот и догнал Ахиллес черепаху!

— Мои "мемуары" давно уже превратились, собственно, в дневник. Пора закругляться. Футбольные баталии я все описал за исключением последних и, быть может, самых важных для "Балтики" и для "Зенита" матчей сезона, но надо же когда-то и остановиться.

— Из событий последнего месяца осталось описать очередную поездку в Москву, в ИЗМИРАН и две вылазки на Корневку.

— В Москве я пробыл с 21 по 26 октября. 22-го на секции успешно прошла предзащита диссертации Шагимуратова. 23-го я неожиданно встретился с Гудрун, мы очень обрадовались друг другу, но пообщаться нам почти не удалось: прямо из ИЗМИРАНа они с Вагнером отправлялись в аэропорт и возвращались в Потсдам. Гудрун передала мне подарок для Мити: томик Библиотеки мировой литературы для детей, я подарил ей последний "зевакинский" сборник и набор шоколадок для дочек.

— 24-го мы с Ивановым во второй раз побывали в Спецсекторе ИФЗ у Кевлишвили. Разговор с ним носил характер повторного взаимного зондирования, как бы проверялись впечатления первой встречи - правильно ли мы друг друга поняли? Мы подтвердили свои возможности и желание моделировать эффекты мощных воздействий на верхнюю атмосферу при условии обеспечения нас приличной вычислительной техникой. Кевлишвили подтвердил свою готовность такой техникой нас обеспечить, имея в виду "Электронику-79", точнее, вычислительный комплекс на её базе. От нас требовалось теперь составить на неё формальную заявку.

— 25-го я делал доклад на заседании Учёного Совета ИЗМИРАН: "Математическое моделирование ближнего космоса". Некоторая помпезность названия доклада была обусловлена его рекламным характером, он, ведь, делался специально для Мигулина, чтобы внушить ему необходимость создания у нас в КМИО специализированного ВЦ (вычислительного центра) моделирования солнечно-земных связей.

— Но чёрта с два ему внушишь.

— Доклад же мне удался. Я и сам это чувствовал, и другие хвалили. Построил я его в виде обзора этапных достижений по моделированию ионосферы, протоносферы, термосферы и электрических полей за последние десять лет в мировой науке вообще, а в качестве иллюстраций представлял на слайдах исключительно наши результаты (десяток два слайдов показал). Получилось весьма эффектно. Даже сам себе поудивлялся - действительно, сколько мы, однако, уже наворочали за эти годы, и всё на чужих машинах, где-то на стороне, с чрезвычайно низким к.п.д. использования машинного времени из-за непрерывных переходов с машины на машину. А если бы у нас своя была?

— Главная мысль моего доклада сводилась к необходимости объединения уже имеющихся теоретических моделей ионосферы, протоносферы, термосферы и электрических полей в единую самосогласованную модель, костяк которой уже построен у нас, но нет вычислительных средств, на которых эту модель можно было бы довести до завершённого вида.

— Практически все эту идею поняли и поддержали. Выступали Фельдштейн, Ораевский, Ким Иванов, Черкашин, Синельников, Коломийцев, и суть большинства выступлений сводилась к тому, что всё это очень хорошо, но вот надо бы ещё это учесть, и это, и как же теперь быть со спутниковыми наблюдениями - они что, не нужны теперь?

— Мигулина же наш проект просто напугал: а нужны ли такие сложные модели? А нельзя ли как-нибудь попроще, и зачем ещё дальше усложнять - эдак никаких ВЦ не напасёшься, и как же такую модель практически использовать? Но, впрочем, это, конечно, очень здорово, и мы молодцы, и т.д., и т.п. Ясно было, что всё это ему не нужно, но формально поддержать он чувствует себя обязанным. Что ж, и то хлеб.

— Во всяком случае мы напомним о себе в ИЗМИРАНе на самом высоком уровне, и к нам сразу с нескольких сторон начали подходить с вопросами и предложениями о

сотрудничестве (Синельников, Флигель, Ораевский), не говоря уж о Фельдштейне, который публично высказал своё желание кооперироваться с нами. Ну, а что касается ВЦ, положимся пока на Кевлишвили, а там посмотрим.

— После выступления меня отозвал в сторонку Беднажевский - измирановский "министр иностранных дел" и озадачил:

— Хочешь в Канаду поехать? На стажировку, от 3-х до 9-ти месяцев. У нас план по обмену с ними не выполняется. Подумай.

— Ладно, подумаю.

— Вот я и думаю теперь. Казалось бы, чего и думать, люди спят и видят во сне такие поездки. В следующем году ещё не страшно будет и лабораторию оставить на несколько месяцев, на Коренькова, скажем, пока машины нет. Вот когда она появится, тогда запарка начнётся, и надо, конечно, тут быть. А монографию с Б.Е. можно и в Канаде писать. Да вот беда - непосредственных коллег там нет, или я их не знаю. Похоже, что ионосферным моделированием они не занимаются, хотя магнитосферщики там есть, и по ветрам в нижней термосфере специалисты имеются. Вот теперь я и выясняю, кто чем в Канаде из геофизики занимается. Ответа Беднажевскому пока не давал.

— Да, вот до чего дожил - в Канаду предлагают ехать, а я ещё раздумываю...

— 27 октября ездил на мотоцикле на Корневку через Медовое. За Высоким, внизу, в ложбине, где Корневка ближе всего подходит к шоссе Медовое-Корнево, на дорогу со стороны Корневки вышел здоровенный кабан и пересёк её спокойным шагом, совершенно не обращая внимания на приближающийся мотоцикл. Даже когда я посигналил ему, максимально сблизившись с ним (в этот момент кабан спускался с обочины), он ни головы не повернул в мою сторону, ни скорости не прибавил. Так и потрусил себе потихоньку к лесу.

— Я оставил мотоцикл прямо на берегу Корневки в том единственном месте, где к ней можно было подъехать, а сам вернулся на дорогу, поднялся вверх направо и вышел снова к Корневке у "ручья теоретиков". Переходя ручей, увидел форель, которая шмыгнула мимо меня по мелководью вверх по течению. Тут же в ручье у меня было несколько отчётливых поклёвок, все в одном месте у огромного валуна, лежавшего наполовину на берегу, наполовину в ручье. Один раз поплавок потащило очень резко под валун, я дёрнул удилище, и форель затрепетала на лесе, но... сорвалась и ушла.

— Весь день потом я шёл вниз по изгибам Корневки от ручья к мотоциклу и ни одной поклёвки больше не видел. Может, она вся уже на нерест вверх и по ручьям поднялась? Пропорол сапог, так что нельзя стало в воду заходить. В одном месте стал поверху обходить, точнее, облезать завал из деревьев на берегу, и кончилось это тем, что я заполз (с удочкой!) на высоченную кручу, отвесно обрывающуюся подо мной к Корневке, до которой было метров двадцать по прямой, то есть по воздуху. Пришлось с замиранием сердца ползти дальше вверх, буквально цепляясь за бугорки и корни деревьев, чтобы через вершину опять спуститься к Корневке.

— Через неделю я опять поехал на Корневку, на этот раз в места повыше, со стороны шоссе Ладушкин-Корнево. День был ясный, солнечный, воды в Корневке не очень много и она очень прозрачная; всё это ловле, конечно, не благоприятствовало, хотя места на внешний вид очень подходящие. Лишь уже к вечеру у меня была одна поклёвка: форель взяла над порогом и резко повела поперёк речки, а потом отпустила, я не успел даже подсечь, а натяг её почувствовал.

— Долго я потом там ещё бросал, но безуспешно. Стая журавлей медленно пролетела надо мной, очень низко, горестно курлыкая... Впервые я видел их так близко.

— Выбирался я с Корневки, изрядно поплутав по кабаньим тропам и изрытым ими лёжкам. В какую сторону ни пойду - всё к Корневке выхожу: попал в длинную петлю, множество которых она там выписывает, пришлось пройти назад, вверх по течению, и выбрался, оказалось, у самого моста, к которому ведёт разбитая дорога от танкодрома.

—Возвращался через родной Ладушкин. Давно уж я в него не заезжал. Как хорошо тут...

—И на этом я кончаю. Хватит пока. Буду редактировать и перепечатывать всё, что написано за четыре с лишним (почти с половиной) года.

—Потом, может быть, продолжу, Бог даст.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)